

КИНОГЕНИЙ НАШЕГО ОДИНОЧЕСТВА

«ВПЕРВЫЕ я заглянул в объектив кинокамеры 16 мм «Белл и Овелл» в сумасшедшем доме, — так вспоминает о своем первом соприкосновении с миром кино тот, кому судьбой было даровано сделать сию музу XX века властителем дум, настроений, чувств, бродивших во взбудораженной послевоенной Европе. Ему, Микеланджело Антониони, выдающемуся итальянскому кинорежиссеру, сегодня исполняется восемьдесят лет.

Нерв творчества Антониони — сомнение. В этом большая часть нашей публики не очень-то отдавала себе отчет тогда, когда с конца 50-х и все 60-е годы фильмы режиссера завоевывали интеллектуальное пространство западной культуры. Наши записные критики уныло твердили: «Крик» (1957), «Приключение» (1960), «Ночь» (1961), «Затмение» (1962) — свидетельство, с одной стороны, изощренного мастерства и выразительных возможностей кино, а с другой — явные доказательства кризиса буржуазной идеологии, не могущей объяснить: почему люди становятся друг другу чужими. Логическим в подобной аргументации выглядело и название одной из статей, посвященных творчеству Антониони: «Красная пустыня эротизма». Результат известен: первый фильм, который всемирно известный мастер поставил в цвете, — «Красная пустыня», мы увидели лишь двадцать лет спустя.

Порою казалось, что кинематограф Антониони — далекое, как следует неузнанное и непознанное явление, не имеющее к нашей духовной жизни и культуре никакого отношения. Однако появился «Июльский дождь» Марлена Хуцьева, и стало ясно, что «болезнь чувств» (определение Антониони) коснулась и «детей хрущевской оттепели». Модное слово «отчуждение», которым описывались отношения персонажей «Приключения» или «Затмения», стало все чаще употребляться в адрес милых и обаятельных героев лучших и популярных советских фильмов. Вряд ли безысходная грусть «Осеннего марафона» Георгия Дзигелли или трагический смех «Неоконченной пьесы для механического пианино» Никиты Михалкова были бы столь пронзительно воспринимаемы нашей публикой, если бы движение их сюжетов не наталкивалось постоянно в структуре картин на странную пустоту пауз и одиночества Антониони.

Все 60-е годы Антониони из фильма в фильм раскрывал перед зрителями магию подобной опустошенности людских взаимоотношений, мудро комментируя еще тридцать лет назад собственное творчество: «Мой фильм — не обвинение, не проповедь, а рассказ в зрительных образах, посвященный, как мне кажется, не тому, как зарождаются ложные чувства, а тому, в чем именно они ложны». Герои фильмов знаменитого режиссера оказывались публично одиноки и в кругу друзей («Приключение»), и в семье («Ночь»), наследие с возлюбленными («Затмение», «Красная пустыня», «Забриски Пойнт»), и даже — в профессии, где им всегда предпочтительней индивидуальный род деятельности: будь то фотография («Блоу ап») или журналистика («Профессия: репортер»).

Картинки Антониони безлюдны, пейзажи в них пустынные, а интерьеры, на удивление, враждебны к тому, что и кто попадет в них, и лишены каких-либо признаков местного колорита или специфических национальных окраски. Достаточно сравнить любой городской, «уличный» кадр любой его картины с яркой карнаваловой атмосферой феллиниевских фильмов. Антониони — итальянец по рождению и воспитанию, но по образу мысли и результатам творчества — гражданин мира. Вот почему он так охотно снимает не в Италии,

ища возможность географического отчуждения от реальности. Начиная «Блоу ап» (1966), он до «Идентификации женщины» (1982) не ставил фильмов на родине, высывая сюжеты и натуру в туманном Лондоне, далеком Китае, пустынях Африки и Америки, Испании, сумеречных лесах Австрии. Был период в его творчестве, когда Антониони твердо заявлял о намерении поставить фильм в нашей стране, но, как всегда, технические «не-возможности» советских киностудий «приговорили» совместный проект к неосуществлению.

Стиль его картин узнаваем с первых кадров, его мощное влияние проникло в самые дальние уголки на киноглобусе режиссерских индивидуальностей. Хотя того или нет современные режиссеры, в том числе и в странах СНГ, но снимать кино, затрагивающее внутреннюю жизнь человеческого индивидуума, не учитывая формообразующих открытий итальянского Мастера, нельзя.

Попытавшись взорвать реальность общества материального благополучия в «Забриски Пойнт» (нельзя забыть тому, кто видел, грандиозный финал, в котором взлетает на воздух вилла, «подорванная» силой воображения героини), Антониони как будто уперся и мыслями, и воображением в непробиваемую стену равнодушия и отчуждения. Как и умирающий Лонг из «Профессии: репортер», замечательно сыгранный Дженом Николсоном, упирается взглядом из окна придворного отеля в стену дома напротив. Потрясающая длительность этого плана (свыше десяти минут) не знает себе эстетически равных в истории кино по тому обескураживающему итогу, к которому приходит режиссер. Человек от себя и от одиночества не может убежать, а внутреннее перерождение его возможно лишь за пределами бытия.

Наша жизнь начала 90-х годов оказалась, на удивление, опустошенной, почти по предсказаниям и предвидениям Антониони эпохи 60-х годов. С той лишь разницей, что в его произведениях безыдеальность бытия не воспринималась как необходимая данность, тогда как у нас отчужденность духовного начала от человека и людей друг от друга привели не только к моральному нигилизму, но и к настоящему эмоциональному вакууму, когда известия о сумме, зарабатываемой другим, поражает гораздо больше, чем его вероятная подлость. Давным-давно критик французского журнала «Кайе дю Синема» точно заметил, сравнивая фильмы американских режиссеров с картинами Антониони: «Они заканчивают фильмы тем, с чего вы начинаете их». Мы, к сожалению, пошли дальше печальных и гениально зримых киноконстатаций Антониони. Мы в жизни продолжили его логику сомнения, но со свойственным отечественному менталитету упорством и размахом остались в одиночестве, надежде со всеми своими грехами и бедами, по принципу, который охотно ныне пестуем: «каждый сам за себя».

А что же сам Микеланджело Антониони? Сумеет ли Мастер вновь оказаться рядом с нами со своими фильмами? Кто знает... Нам же остается надеяться, что фраза Антониони: «Снимать фильм означает для меня жить» — не останется только изящным афоризмом и ее автор после многолетних сомнений, недугов и разочарований снова заглянет в объектив кинокамеры.

Сергей ИЛЬЧЕНКО

Р. С. Небольшую ретроспективу фильмов Антониони вы можете увидеть в лектории библиотеки имени Лермонтова (Литейный проспект, 19) с 29 сентября по 4 октября.